
Ари
ДАЛЕ
БЫВШИЕ
Последнее "прости"

Ари Дале
Бывшие. Последнее "прости"

https://litres.ru/74791102

Аннотация

— Что ты хочешь от меня услышать? — как ни в чем не бывало заявляет Тимур, после того, как я уличила его в измене. — Прости?

— Прости? — выдыхаю я. — Прости, и все?

— А что еще я должен сказать? Я хочу быть с тобой, Яна? — муж подходит ко мне вплотную, кончиками пальца касается моего лица. — Хочу... но это уже ничего не изменит, правда? Ты все для себя решила. Как когда-то решила, что не будешь встречаться с музыкантами...

— Хочешь быть со мной? Правда? — не могу сдержать сарказма, который прорывается даже сквозь слезы. — Тогда нужно было держать свое обещание и быть верным!

— С чего ты это взяла, что я его не сдержал? — произносит Тимур низко, хрипло, прямо у моих губ. — Да, я обещал быть верным… душой. Поэтому я все еще твой верный любящий муж. Ничего не изменилось. Давай, прекращай доводить меня и возвращайся домой. Поступись своими принципами еще разок...

Однажды я поступилась своими принципами ради Тимура. Второй раз наступать на те же грабли не собиралась. Поэтому неудивительно, что наши отношения закончились разводом. Но

даже года не прошло, как мы с бывшим мужем снова оказались вдвоем... в застрявшем лифте.

!#Внимание: Ругать героев можно. Автора нельзя)))

НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ "МНЕ НРАВИТСЯ"❤#

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	49
Глава 10	54
Глава 11	57
Глава 12	63
Глава 13	67
Глава 14	71
Глава 15	76
Глава 16	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Глава 1

— Передай своему мужу, — незнакомая брюнетка кладет на барную стойку передо мной до боли знакомые часы… мужские часы… часы моего мужа.

Откладываю в сторону папку с наметками нового меню, которое мы с бариста разрабатываем для моей кофейни, и в упор разглядываю девушку, которая явно не собирается делать заказ.

Первое, что бросается в глаза — иссиня-черные волосы, которые волнистыми прядями ниспадают по лицу с заостренными чертами и островатым носом.

Девушка красивая…. Действительно красивая. Худая. Высокая. В облегающем черном платье, едва доходящем до середины бедра, и с кружевами на рукавах. Но вот ее взгляд… он полон то ли оценки, то ли презрения. А может, и того, и того. Девушка — полная моя противоположность, учитывая, что у меня светлые волосы и челка, лезущая чуть ли не в глаза, а еще кукольное лицо, которое все называют детским, несмотря на то, что мне уже за тридцать. Да и одета я в простую розовую футболку, джинсы и кроссовки. Я бы ни за что не пошла на работу на каблуках, которые явно обуты на незнакомке.

Пока я осматриваю девушку, она не отводит глаз от меня.

Такое чувство, что хочет проникнуть внутрь меня. За-

браться ко мне в голову и узнать какой-то известный только мне секрет.

Вот только я даже представить себе не могу, что именно ей от меня нужно, поэтому спокойно спрашиваю:

— Простите? Мы знакомы?

Черные глаза девушки с острыми стрелками презрительно сужаются.

— С тобой нет, — выплевывает она, горделиво вздергивая подбородок.

— Тогда… — опускаю взгляд на часы, — вы знакомая Тимы?

— Знакомая? — хищно усмехается незнакомка. — Ну-у-у, можно и так сказать, — хмыкает она. — В общем, отдай Тиму часы и передай, что завтра вечером я его жду. Мы с ним еще не закончили, — в глазах девушки вспыхивает настолько сильное вожделение, что мне резко становится не по себе.

Нехорошее предчувствие стягивает желудок в тугой узел, меня начинает прилично так мутить. Мысли в голове скачут с одной на другую, пытаясь сопоставить все факты и прийти к одному единственному и не очень утешительному выводу.

Не хочу верить в очевидное… не хочу… это какая-то ошибка…

Вот только, судя по самодовольному выражению лица девушки передо мной, я все правильно поняла. И это вводит меня в еще больший ступор. Хорошо хоть он длится недолго.

Мысли разом прочищаются благодаря гневу, который стремительно разливается по телу.

Часы… те самые часы, которые я подарила Тимуру на пятую годовщину нашего брака, лежат передо мной как доказательство того, что произошло что-то уму непостижимое. Хватаюсь за край столешницы передо мной, стараюсь размеренно дышать и никоим образом не показывать незнакомке обуревающих меня эмоций.

— Кто вы такая? — стараюсь избежать фамильярности и соблюсти формальности, хотя очень хочется зажать незнакомку, которая посмела явиться ко мне на работу, в угол и потребовать у нее объяснений. Но вместо этого произношу: — Что мне ответить Тимуру на вопрос, кто вернул ему часы?

— Он поймет, — усмехается девушка, чуть склоняя голову к плечу. — Но если хочешь, можешь сказать, что Даша передает привет. И кстати, тебе совет — покинь насиженное место, пока тебя не выперли взашей и твое место не заняла более достойная, а главное, подходящая женщина, — она явно намекает на себя, судя по приподнятому подбородку. — Это, конечно, если хочешь сохранить хоть немного гордости. Хотя, — она окидывает быстрым взглядом интерьер моей кофейни «Кофе и котики», где повсюду находятся нарисованные, плюшевые и даже картонные котики, после чего кривится, — думаю, у тебя ее нет, как и вкуса. Ну что ж, потом, когда твое нежное сердечко разобьется, не говори, что тебя не предупреждали, — в глазах… Дарьи появляется

угрожающий блеск, который заставляет меня окончательно сорваться.

К черту, формальности!

Глава 2

— Убирайся! — шиплю, расправляя плечи.

Пальцами вцепляюсь в край столешницы с такой силой, что странно, что еще треска не слышу. Уверена, мое миловидное лицо искажается от гнева.

Наверное, поэтому часть спеси спадает с лица некой Дарьи, на секунду она даже теряется, после чего складывает руки на груди и заявляет:

— А ты еще и хамка! И не стыдно тебе так с клиентами разговаривать? Может, мне книгу жалоб попросить?

— Я предлагаю попросить показать, где выход! — парирую. — Хотя думаю, ты и сам его найдешь! Не знаю, кто ты такая, но прекрасно понимаю, что явилась явно не для того, чтобы пить кофе. Поэтому покинь мое заведение сейчас же, иначе я вызову охрану и тебя выведут под руки. Что выберешь?

Дарья смотрит на меня сверху вниз и качает головой:

— И что Тим в тебе нашел? — кривится. — Ну ничего, вкус у него поменялся и явно в лучшую сторону. А ты… — она взмахивает рукой, — раз того сама желаешь, почувствуй, что значит быть брошенной, — фыркает Дарья и продолжает стоять на месте, сверля меня презрительным взглядом.

Даю девушке всего секунду, чтобы выполнить мою просьбу-приказ, но она не сдвигается с места, а я не привыкла

повторять дважды. Вместо того чтобы еще раз попросить незваную гостью покинуть помещение, я подхватываю телефон и почти мгновенно нахожу номер начальника безопасности торгового центра, в котором находится моя кофейня.

Набираю мужчину и прикладываю телефон к уху, замечая, как лицо Дарьи вытягивается. Она явно не понимает, что именно я делаю. Но ничего, скоро все станет предельно ясно. Мне даже пары гудков не приходится ждать, как я слышу грозное «Алло» на том конце вызова.

— Роман Евгеньевич, вас беспокоит Григорьева Яна с кофейни «Кофе и котики», не могли бы вы прислать ко мне своих парней? У меня тут… — уже я окидываю Дарью оценивающим взглядом, — одна барышня мешает работе…

Я даже опомниться не успеваю, как незнакомка бросается ко мне, перегибается через стойку и выхватывает телефон из моих рук. Отклоняет вызов и бросает гаджет на стойку так яростно, словно он обжег ее ладони.

— Ты идиотка! — ревет она. — Думаешь, на тебя управы нет! Теперь понятно, почему Тим дома не ночует и почему у вас секс только по выходным! Какой дурак такую взбалмошную сучку захочет!

Я не хочу реагировать на слова незнакомки… правда, не хочу, но просто не могу ничего с собой поделать.

Не ночует дома…

Секс по выходным…

Эти слова вонзаются в открытые раны на моем сердце и

разрывают их еще сильнее…

Я и не думала, что меня могут задеть какие-то слова. Но Дарья попадает в больное место, показывая, что в курсе моей жизни с мужем… в курсе самых личных ее аспектов. Давно мне не было так тяжело. А главное, я не могу отделаться от осознания, что Тимур… мой Тимур действительно перешел грань, которую обещал никогда не переступать.

Мне требуется несколько долгих секунд на то, чтобы восстановить разбитое в дребезги равновесие. Делаю глубокий вдох и удивительно равнодушно произношу:

— Твой выпад не поможет — охрана скоро будет здесь. Я не знаю, кто ты такая и кем приходишься моему мужу, но советую тебе уйти и как можно скорее, если не хочешь оказаться в местных новостях, — указываю подбородком на камеру в углу моей кофейни, непрозрачно намекая на то, что солью запись того, как охрана выводит ее, в сеть. Конечно же, я не собираюсь делать ничего подобного, но это не мешает мне немного напугать наглую, пришедшую явно для того, чтобы меня унизить, мадам.

И видимо, моя тактика неплохо на нее срабатывает, потому что Дарья поднимает голову и смотрит прямо в камеру, а потом резко отворачивается, будто понимает, что спалила еще и свое лицо.

— Я все равно сказала все, что хотела, — фыркает она, еще раз окидывает меня презрительным взглядом, а потом резко разворачивается и, стуча каблуками, направляется в

сторону выхода.

Я прослеживаю взглядом за девушкой, вижу, как она покидает кофейню, и только после этого выдыхаю.

Опускаю голову и натыкаюсь взглядом на часы… на живое доказательство того, что никогда не должно произойти.

Тимур… мой Тимур, с которым мы познакомились, будучи студентами, не мог поступить со мной настолько жестоко. Да, постепенно страсть в нашем браке угасла… Да, в последнее время наша интимная жизнь не была разнообразной. Но… он же обещал, что никогда со мной так не поступит.

— Я не встречаюсь с музыкантами, — заявляю я, глядя на невероятной красоты темноволосого парня с черными глазами, которые буквально заглядывают в душу, одетого в футболку с изображением «Нирваны».

— Только не говори, что ты из тех девушек… — он упирается ладонями в стол с мерчом, который я продаю на рок-фестивале, чтобы снять съемную квартиру на лето, пока общежитие будет на ремонте.

— Из каких? — понимаю, что зря задаю этот вопрос, но не могу сдержаться, при этом внутренне напрягаюсь, чувствуя, что в любой момент могу вступить в спор, который ничем хорошим не закончится.

— Из тех, — понижает голос парень и произносит хриплым баритоном слова, из-за чего у меня бегут мурашки по позвоночнику, — кто делает выводы, исходя из внешности и профессии человека, — выгибает бровь, а я теряюсь и не

знаю, что ответить. — Давай так, я пообещаю, что буду любить тебя, холить и лелеять… что больше не посмотрю ни на одну девушку и буду видеть только тебя. Пообещаю быть верным! После этого ты тоже мне откажешь? — он чуть склоняет голову к подбородку и смотрит на меня так проникновенно, что мой воинственный настрой пропадает напрочь, а желудок сжимается. — Если так, то возможно упустишь любовь всей своей жизни!

Это было больше десяти лет назад…

И нет, я не смогла ему отказать. Не тогда, когда Тимур смотрел на меня так, словно заглядывал в мою душу и при этом уже раскладывал в ней свои вещички. Не тогда, когда он несколькими часами позже пел для меня со сцены и при этом улыбался так, словно получил желанный приз. Не тогда, когда мы сбежали с этого фестиваля вместе, потому что «такому ангелу, как ты, не место среди всей этой… грязи».

И да… съемную квартиру мне искать не пришлось.

То лето и последующие десять лет мы провели вместе. Я ни разу не пожалела, что дала музыканту шанс… ни разу до сегодняшнего дня.

Эти часы передо мной… они заставляют все внутри меня переворачиваться. Помню, как дарила их Тимуру. Помню, как тряслись мои руки и сжимался желудок, когда он снимал ленту с бархатного продолговатого чехла. Помню, как муж расплылся в улыбке и попросил надеть часы на его запястье, как когда-то кольцо на палец. Помню, как он поцеловал ме-

ня нежно-нежно и пообещал никогда их не снимать. Пообещал так же, как когда-то обещал быть верным и всю жизнь любить только меня.

Смотрю на часы и чувствую, как мое сердце разрывается на части.

Не могу понять, что мне со всем этим делать… не могу решиться на меняющий все шаг. Просто стою и смотрю на часы, на символ нашего с мужем единства. На его обещание.

Не знаю, сколько проходит времени… кажется, вечность, прежде чем меня накрывает тень… женская тень.

Да не может этого быть! Вот неугомонная!

Поднимаю голову и…

Глава 3

…и встречаюсь взглядом не с худощавой брюнеткой, как того ожидала, а с русоволосой Олей. Моргаю… еще раз моргаю. А потом выдыхаю, когда осознаю, что очередной битвы в ближайшее время не предвидится и незваная гостья все-таки убралась восвояси, а передо мной стоит молоденькая девушка-бариста с волосами, заплетенными в тугую косу, с которой как раз мы и разрабатывали новое меню.

— Спасибо, что подменили, Яна Павловна. Иначе, чувствую, я не выдержала бы, желудок был готов съесть сам себя от голода. Можем продолжить, — улыбается девушка, но уже в следующую секунду становится серьезной и смотрит на меня с легким прищуром. — Вы в порядке?

— Нет, — выпаливаю первое, что приходит в голову. Снова бросаю взгляд на часы. Нет, я не могу это все просто так оставить. — Да, в порядке, — пересиливаю себя и хватаю аксессуар, который сейчас становится символом предательства. — Давай завтра продолжим работать с меню. У меня появилось очень срочное дело, — засовываю часы в карман джинсов, быстрым движением со стойки беру свой телефон и буквально вылетаю за пределы кофейни, бросая Оле напоследок: — Закрой все здесь, пожалуйста, когда рабочий день закончится.

Подозреваю, сюда сегодня я больше не вернусь.

Не помню, как покидаю кофейню. Как выбегаю из торгового центра. Вроде бы меня кто-то пытался остановить — возможно, как раз начальник охраны, которого я до этого просила помочь выпроводить одну посетительницу, — но я не остановилась, пока на парковке не нашла свою машину и не запрыгнула в нее.

Ключи дрожат в руках, но двигатель заводится с первого раза — хоть что-то идет по плану.

Сначала еду в сторону дома, автоматически сворачивая на знакомые улицы.

Дом… наша квартира, где пустота давно стала постоянным жильцом… где ночные бдения у окна с холодным чаем превратились в мою привычную рутину… где Тимур последнее время редко появлялся даже по вечерам… И сейчас его там нет!

Резко бью по тормозам на полупустом перекрестке, заставляя клаксон сзади едущей машины завизжать от возмущения. Игнорирую, хотя где-то на краю сознания понимаю, что создала аварийную ситуацию, чего за мной обычно не водится. Рывком выкручиваю руль и жму на газ, направляясь совершенно в другую сторону. Сердце колотится где-то в горле, сухо и громко.

Последнее время Тимура дома не застать. Даже ночью. Муж оправдывался тем, что у него много работы… Но, судя по сегодняшнему происшествию, интересная же у Тимура работа.

Я не хочу, правда не хочу верить в то, что муж опустился до измены. Поэтому еду к нему. Хочу дать шанс объясниться. Господи, пусть он все объяснит! Пусть скажет, что это чья-то больная шутка, что часы потерял, а эта Дарья — просто сумасшедшая фанатка. Только бы не произошло то… то, что рисует мое израненное воображение. Но и дурой быть не собираюсь. Потому что хоть я и верила в обещания мужа безоговорочно, но прекрасно понимала, какая у него работа. Да, Тимур больше не выступает, занялся продюсированием и звукорежиссурой, это не означает, что он не вертится в тех же кругах. Рядом с моим мужем до сих пор крутятся невероятно красивые и женственные девушки. Дарья, как я понимаю, одна из тех певичек, которые хотят прославиться, запрыгнув в постель к продюсеру. Горькая усмешка сама собой кривит губы.

Было действительно очень сложно все эти годы доверять Тимуру. Но я всегда принимала его сторону, несмотря ни на что. Все свои подозрения, все тревожные звоночки засовывала как можно глубже, подальше, потому что он же обещал, что будет верным. В какой-то момент, еще до нашей свадьбы, я попросила будущего мужа: «Если захочешь другую… если захочешь уйти… просто скажи. Я даже не спрошу почему. Все пойму. Отпущу».

Тимур тогда уверял меня, что я придумываю, что он никогда со мной так не поступит. Сказал: «Когда я увидел тебя на том фестивале, Яночка, с первого взгляда понял — ты

моя. Моя судьба. Моя тихая гавань. Зачем мне другие бухты, если у меня есть ты?» Его слова тогда, его взгляд, полный такой искренней нежности, — все это согрело меня изнутри. Обещание мужа было моим щитом. Сейчас этот щит трещит по швам, и сквозь щели дует ледяной ветер отчаяния.

Тогда я успокоилась. А сейчас… сейчас едва сдерживаю слезы, которые предательски жгут глаза. Только тот факт, что я нахожусь за рулем, не дает мне впасть в истерику. Моя рациональная часть берет верх над эмоциями, которые буквально бурлят во мне, как кипящая лава. Гнев, боль, страх, унижение — это лишь малая часть того, что я испытываю.

Жаль только, долго мне ехать не приходится. Офис звукозаписывающей компании мужа находится не так далеко от одной из моих кофеен, той самой, где я сегодня была. Знакомая вывеска мелькает за окном и ощущается словно ироничный укол судьбы.

Попасть в здание у меня тоже не составляет труда — Тимур давно выписал бессрочный пропуск, которым сегодня я как раз и пользуюсь. Охранник на ресепшене лишь кивает, узнавая меня.

Не проходит много времени до того, как я на лифте еду на верхний этаж. Зеркальные стены отражают мое бледное, растерянное лицо, растрепанные светлые волосы, выбившиеся из-под заколки. Выгляжу как после битвы. Что ж, так оно и есть. Пытаюсь размеренно дышать. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. И вот створки разъезжаются, и я попадаю в коридор зву-

козаписывающей компании — длинный, прохладный, с мягким ковровым покрытием, глушащим шаги. Не помня себя, вылетаю из лифта, краем глаза цепляя лишь стены, отделанные темным деревом со встроенными светильниками, дающими приглушенный свет, и тяжелые двери с табличками «Студия 1», «Студия 2», «Редакция». Из-за одной двери доносится смутный ритм, из-за другой — обрывки смеха. Вот он — мир, в котором живет Тимур. Мир, который все больше отдаляет его от меня.

В какой-то момент по пути встречаю знакомую темноволосую девушку с планшетом — Машу, стажера.

— Яна Павловна, здравствуйте! — улыбается она, но улыбка тут же слетает, когда она видит мое лицо. — Что-то случилось?

— Тимур? Где он? — спрашиваю так, что мой голос кажется чужим, хрипловатым. Может, из-за быстрой ходьбы или из-за того, что я запыхалась?

— В… в студии три, — кивает Маша в сторону, при этом указывая рукой в конец коридора. — У него сессия с новой вокалисткой…

Миг, и я застываю.

Сессия? С вокалисткой? С той самой?

— А как она выглядит? — спрашиваю все так же не своим голосом, внутри все скручивается в тугой узел. Холодная волна страха сковывает ребра.

— Ну-у… брюнетка, красивая, — отвечает Маша, а я чув-

ствую, как мой мир рассыпается прямо на моих глазах.

Глава 4

Маша переминается с ноги на ногу, явно чувствуя, как напряжение сгущается вокруг нас. Ее взгляд скользит по моему лицу, ища объяснения моей внезапной бледности.

Я же зажмуриваюсь так сильно, что перед глазами вспыхивают искры.

Брюнетка, красивая…

Сессия…

И вчера поздно вечером у Тимура была сессия… Поэтому он не ночевал дома.

Неутешительные выводы крутятся в голове, пытаясь сложиться в единую картину, которую я отчаянно не хочу видеть.

«Не смей думать об этом, Яна. Не смей! Ты же пришла, чтобы дать Тимуру объясниться. А если он там с ней… тогда и объяснений не потребуется», — вцепляюсь в эту мысль, как в спасательный круг, пытаясь вытолкнуть из сознания образ Дарьи, ее язвительную улыбку, ее слова о ночах Тимура вне дома.

Нужно дышать… просто дышать. Но воздух не проходит сквозь ком в горле, а сердце колотится так, будто хочет вырваться из грудной клетки и убежать прочь от этой правды, которую я вот-вот узнаю.

— Яна Павловна, вы в порядке? — голос Маши доносится

словно издалека, сквозь толщу грязи, в которой я пытаюсь не утонуть. Девушка пытается достучаться, но я уже отрезана от нее стеной собственного ужаса и сомнений, бушующих внутри.

Миг, и я больше не слушаю и ничего не слышу. Мое тело движется само. Ноги, будто налитые свинцом и одновременно легкие как пух, несут меня по прохладному ковровому коридору. Цель маячит впереди — тяжелая, звукоизолированная дверь с цифрой «3», похожая на вход в другую реальность… в реальность, где мой мир может рухнуть окончательно.

Достигаю ее быстро… слишком быстро…

Рука сама тянется к массивной, холодной ручке. Внутренняя паника кричит: «Постучи! Дай ему шанс подготовиться! Дай себе шанс передумать!» Но пальцы сжимают металл, поворачивают. Я не стучу. Сила, более мощная, чем паника, чем страх, чем остатки надежды, заставляет меня просто распахнуть дверь.

На мгновение я замираю на пороге. Этот миг — последний бастион перед штурмом. Я втягиваю воздух полной грудью, пытаясь хоть как-то унять дрожь в коленях, стереть с лица панику.

Силы. Мне нужны силы. Собираюсь с ними и, отталкиваясь от косяка, словно от края пропасти, вваливаюсь внутрь комнаты управления студией.

Внутри полумрак, нарушаемый лишь мерцанием сотен

лампочек, холодным свечением экранов, загадочными очертаниями ручек на огромном пульте, похожем на пульт управления звездолетом.

Тимур… он сидит спиной к двери, в кресле на колесиках, расслабленный, погруженный в звук. Наушники сдвинуты на шею, открывая затылок от подголовника. За огромным звуконепроницаемым стеклом — вокалистка.

Сперва взгляд выхватывает только силуэт: длинные темные волосы, ниспадающие на плечи, стройная фигура в наушниках, сосредоточенное лицо — сердце падает куда-то в бездну, сжимаясь ледяной рукой.

Дарья?!

Моргаю, пытаясь стереть наваждение, и понимаю: нет, не она… Это другая брюнетка. Моложе. Незнакомая. Сосредоточенная. Она поет под какую-то грустную, заунывную мелодию. Песня разливается в наушниках, которые Тимур держит в руке, поднося к уху, но до меня доносятся лишь смутные, приглушенные обрывки звука, как будто я слышу их из-под толстого слоя воды. Но все равно чувствую чужую боль в чужой песне.

Тимур резко оборачивается на скрип двери. Его темные, глубоко посаженные, с фиолетовыми тенями под ними глаза широко раскрываются от изумления. Муж бросает наушники на пульт, поворачивается ко мне, не вставая с кресла.

— Яна? Что случилось? — спрашивает хрипло, похоже, от усталости, но в его голосе проскальзывает искреннее бес-

покойство. Или мне так только кажется?

Краем глаза отмечаю, что Тимур выглядит… измотанным. Черные волосы, обычно аккуратно уложенные, лежат небрежными прядями на лбу. Щетина стала слишком густой, явно не сегодняшняя. И одежда… Белой рубашки, его обычной «униформы», нет. На муже надета серая футболка с логотипом какой-то группы и потертые спортивные штаны. Скорее всего, Тимур в тех вещах, которые нашлись в его машине, ведь домой за другим костюмом он сегодня не заглянул… опять. Сердце сжимается болезненно и, явно, не от нежности, а от новой волны сомнений.

Нужно ли мне знать правду?

Нужно!

Именно поэтому я собираюсь с силами и молча направляюсь к мужу.

Шаги по мягкому покрытию звучат бесшумно. Вся ярость, вся боль, клокотавшие во мне, вдруг сжимаются в тугой, ледяной ком. В голове тикают секунды, звук от которых перекрывает даже слова Дарьи, включенные словно на повтор.

Останавливаюсь в шаге от Тимура и вытаскиваю их из кармана. Блеск металла кажется мне зловещим в тусклом свете студии. Протягиваю мой старый подарок мужу без слов.

Тимур хмурится, глядя на часы в моей ладони. Потом поднимает глаза на меня. Смотрит вопросительно, с лег-

ким недоумением. Забирает часы, на мгновение холодными пальцами касаясь моих.

— А я думал, куда они делись, — произносит муж с облегчением, поворачивая дорогой аксессуар в руках. — В офисе все перерыл — не нашел. Хотел уже к тебе с повинной идти. Спасибо, что принесла. Они дома были? — спрашивает так, будто ничего не случилось.

Горло сжимается так, что дышать невозможно, но слова все равно вырываются из меня:

— Нет. Ты их забыл у Дарьи.

Мир замирает. Шум из студии за стеклом глохнет в вакууме, возникшем между нами. Тимур застывает с часами на ладони. Его рука повисает в воздухе. Муж медленно, очень медленно поднимает голову. Его лицо… оно не просто каменеет, превращается в маску, бесстрастную и непроницаемую. Но глаза… Темные глаза Тимура впиваются в меня. Муж смотрит долго. Целую вечность. Выискивает ложь? Панику? Или понимает, что случилось неизбежное? Не сомневаюсь, Тимур видит на моем лице все: боль, предательство, ожидание удара, последние крохи надежды. Часы так и остаются лежащими на его ладони, словно чужой и ненужный предмет.

Не знаю, что в итоге видит Тимур. Знаю только, что внутри у меня рушится последняя стена, когда он наконец открывает рот и глухо, без какой-либо интонации, произносит:

— Что ты хочешь от меня услышать, Яна? Прости?

Глава 5

Я ожидала от Тимура чего угодно, но только не показного безразличия. Такое чувство, что я смотрю не на собственного мужа, с которым прожила много лет, а на совершенно незнакомого мужчину с черными бездонными глазами. Эти глаза... в них нет ни капли тепла, нет ни тени сожаления, только ледяная, отстраненная пустота. Как будто я — назойливая муха, которую он терпит из последних сил.

— Прости? — выдыхаю я, не в силах поверить в весь этот абсурд ситуации. Я ожидала услышать что угодно, но только не это. — Прости и все?

Внутри у меня все бурлит. Гнев, раскаленный добела, смешивается с ледяной волной отчаяния и разбивается о камень унижения. Сердце сжимается так больно, словно его сдавили в тисках, каждый удар отдается тупой, ноющей болью в висках. Тысячи вопросов рвутся наружу, но язык прилипает к небу. Как?! Как он может сидеть здесь, смотреть мне в глаза и произносить это жалкое, ничего не значащее «прости»? После всего?! После Дарьи в моей кофейне, после ее наглых намеков, после этих часов, оставленных у нее? Тимур не просит о прощении, он плюет мне в душу. Он констатирует факт: да, было, но тебе придется с этим смириться. Смириться? Никогда!

Где-то на краю сознания, сквозь гул собственной крови

в ушах, я замечаю, что певица за стеклом прекращает петь. Музыка, этот призрачный саундтрек к моему краху, затихает. Ее взгляд, любопытный и отстраненный, скользит по нам. Сторонний наблюдатель не дает мне окончательно сорваться с петель. Не дает закричать, броситься на Тимура, начать бить кулаками по его каменной груди. И видимо, эта же причина и держит Тимура на месте, заставляет его сохранять видимость контроля. Потому что не проходит много времени, как муж разрывает наш мучительный зрительный контакт и нажимает какую-то кнопку на пульте.

— Лея, у тебя перерыв десять минут, — произносит голосом, лишенным эмоций.

Певица чуть наклоняется к микрофону и слегка насмешливо произносит:

— Уверен, что справишься за десять минут? — она бросает быстрый, оценивающий взгляд на меня. — У тебя тут, кажется, надолго.

Тимур на секунду напрягается, его челюсть резко выдвигается вперед. Он явно не ожидал подобного комментария. Но не проходит и пары секунд, как муж выдыхает и выдает, глядя не на Лею, а куда-то поверх пульта:

— Да, десяти минут хватит. Дольше я истерику терпеть не намерен.

Истерику… Мой собственный муж называет мою боль, мое разбитое сердце, мой праведный гнев — истерикой. И главное, перед кем это делает! Перед этой Леей, которая сей-

час видит меня униженной, сломленной, названной сумасшедшей.

Тимур отнимает палец от кнопки. Я же вижу, как Лея несколько секунд стоит на месте, ее взгляд скользит по мне с плохо скрываемым любопытством, почти с жалостью. Потом она медленно, не спеша, снимает наушники, поправляет платье и покидает комнату за стеклом, оставляя нас с Тимуром наедине в гробовой тишине. На секунду выдыхаю. Хоть я и понимала, что нас никто не слышал — вторая комната полностью звуконепроницаемая, — но осознание, что кто-то только что наблюдал за тем, как рушится моя жизнь, как мой муж называет меня истеричкой… это выворачивает душу наизнанку. Стыд, жгучий и всепоглощающий, смешивается с яростью.

Тишина в комнате управления повисает тяжким, удушающим покрывалом. Кажется, она длится вечность. Каждая секунда становится пыткой. Время, выданное мужем на мою «истерику», утекает сквозь пальцы, песчинка за песчинкой. Но я не жалею ни о чем. Не знаю, что сказать этому человеку, сидящему передо мной. Какие слова подобрать, чтобы пробить его броню равнодушия? Все кажется пустым, бессмысленным.

Зачем?

Почему?

Как ты мог?

Тимур уже на все ответил, сказав «Прости» и назвав меня

«истеричкой».

Не знаю, сколько длится это тягостное молчание, но муж не выдерживает первым, резко повернувшись ко мне.

— Давай выговаривай мне все, что у тебя накопилось, и разойдемся! — бросает он хрипло и явно раздраженно. В голосе Тимура нет боли, нет сожаления. Только усталость и желание поскорее покончить с этим «неприятным инцидентом».

Разойдемся…

Слово эхом ударяет в виски.

Разойдемся…

Оно крутится в голове, как ножевой блендер, перемалывая последние остатки надежды.

Разойдемся…

Да. Именно. Нужно разойтись. Это единственное, что имеет смысл. Единственное, что может остановить эту адскую боль. Нет смысла кричать, плакать, требовать объяснений. Тимур уже все сказал. Своим безразличием. Своим «прости». Своим «не намерен слушать истерику». Своим «разойдемся».

Вместо того чтобы что-то выговаривать мужу, я еще несколько секунд смотрю на него. Вижу знакомые черты — изгиб брови, линию скулы, родинку у виска — и не нахожу в них ничего родного. Только что-то чужое, отстраненное, опасное. Боль сменяется ледяным, всепоглощающим онемением.

Я просто разворачиваюсь.

Мне нужно бежать. Сейчас же. Вырваться из этой душной, пропитанной ложью и предательством комнаты. Убежать подальше от этого человека с черными бездонными глазами, который когда-то клялся мне в вечной любви. Но ноги… ноги не слушаются. Они тяжелые, словно налились расплавленным свинцом, каждое движение дается с невероятным усилием. Я все равно заставляю их двигаться, шаг за мучительным шагом, по этому мягкому, предательски тихому ковру к двери. Жаль, что не так быстро, как хотелось бы. Кажется, преодолеваю километры, а не пару метров.

Наконец моя дрожащая ладонь ложится на холодную металлическую дверную ручку. Я чуть нажимаю, дверь приоткрывается, пропуская узкую полоску света из коридора.

Вот только не успеваю сделать и шага к желанной свободе, как деревянное полотно с громким, оглушительным хлопком захлопывается прямо перед моим лицом. Вздрагиваю от неожиданности, сердце срывается в бешеный скач. За спиной, прямо над ухом, раздается хрипловатый, низкий голос, пропитанный ядом и презрением:

— Ну и куда ты собралась? — Тимур стоит так близко, что я чувствую тепло его тела, ощущаю жар его дыхания, из-за чего кожу покрывают мурашки. — Разве ты сюда пришла не для того, чтобы уличить меня в измене? И сказать, какой я подлец? Упустишь свой единственный шанс все мне высказать? Учти, другой возможности может и не быть. Ты

же знаешь, как я не люблю все эти ваши бабские выяснения отношений!

Глава 6

Прикрываю веки. Чувствую, как у меня внутри напрягается каждая мышца. Самообладание, которое только чудом удалось сохранить, трещит по швам. Горячее дыхание Тимура, обдувающее мою шею, лишь усиливает мою панику. Я пытаюсь, правда пытаюсь не реагировать на вызов, который бросил мне муж, но получается очень плохо. Внутри все закипает от обиды, которую я всеми силами пыталась задушить, от уничтожающей все на своем пути злости, от… неоправданных ожиданий.

Слова Дарьи, брошенные явно для того, чтобы меня задеть, раз за разом звучат у меня в голове: «понятно, почему Тим дома не ночует… почему у вас секс только по выходным».

Каждое слово девушки впиталось в мою голову, проникло в отдаленные уголки подсознания и не дает мне покоя ни на секунду. Я уговариваю себя не реагировать, уговариваю себя перестать чувствовать, уговариваю себя оставаться спокойной, но уже в следующий момент разворачиваюсь и толкаю Тимура в грудь.

Муж, явно не ожидавший от меня такой прыти, отшатывается и делает шаг назад.

Мне даже удается вздохнуть полной грудью, но уже в следующий момент я об этом жалею, потому что древесный с

нотками табака аромат пробирается в мое сознание и воскрешает в памяти моменты, которые сейчас кажутся ложью. Я словно наяву чувствую объятия Тимура, словно наяву слышу его первое признание в любви, тихо сказанное ночью, когда он думал, что я сплю, словно наяву слышу его обещание, данное в первый день нашей встречи: «Я буду тебе верен». И это срывает последние оковы, держащие мою «истерику» под контролем, именно поэтому уже в следующий момент я кричу:

— Просто скажи, зачем?! Зачем нужно было мне врать?! Почему нельзя было просто прийти и сказать: «Я больше не хочу быть с тобой»?! — мой голос дрожит, срывается на визг, ненавижу себя за слабость и беспомощность, которая вырывается наружу вместе со слезами, предательски жгущими глаза. — Ты же обещал! Ты клялся! Или для тебя это были просто слова, чтобы затащить меня в постель, а потом… забыть?!

— Что за бред ты несешь? Если бы я просто хотел переспать с тобой, я бы на тебе не женился и не жил с тобой десять лет, — Тимур засовывает руки в карманы джинсов, чуть склоняет голову набок. Смотрит на меня так, словно видит впервые, изучает и пытается понять, как ко мне подступиться. От этого мне становится совсем не по себе, внутри все бурлит: хочется броситься на него, расцарапать лицо, повыдергивать волосы… Но ничего из этого я не делаю. Стою и просто смотрю на мужа, который уже через мгновение как

ни в чем не бывало заявляет: — И вообще, я до сих пор хочу быть с тобой…

Последние слова Тимура бьют сильнее, чем понимание того, что муж мне изменил. Они звучат как насмешка, как издевательство над всем, что у нас было. Воздух перехватывает в горле. Не верю своим ушам.

— А как же Дарья? — спрашиваю со всем сарказмом, который во мне только имеется. — С ней ты быть не хочешь? Или ты хочешь быть и там, и тут? Удобно, да? Две женщины на привязи? — ярость придает мне сил, голос крепнет, становится ледяным. — Дарья ведь явно рассчитывает на большее, раз приперлась ко мне! Или ты ей тоже наобещал золотые горы и вечную верность?

Тимур морщится, будто я задела какую-то больную точку. Его спокойствие начинает трещать.

— Причем здесь Дарья? — резко, раздраженно отрезает муж. — Дарья больше не влезет в наши с тобой отношения. Не волнуйся, я буду держать ее от тебя подальше, обещаю, — Тимур бросает беглый, раздраженный взгляд на лежащие на столе рядом с пультом часы, словно сквозь приличное расстояние может рассмотреть время.

Мой подарок… Сейчас он кажется клином, который вбили между нами.

Помню, как тщательно выбирала эти часы, не один месяц копила, не только на качество смотрела, но и на то, чтобы они отражали суть моего мужа — надежность, стиль, вер-

ность времени… и нам. Смотрела на платиновый корпус, на темно-синий циферблат, напоминающий ночное небо над тем фестивалем, где мы встретились. Даже гравировку на задней крышке сделала: «Вместе навечно. Твоя Я.» Сейчас же кажется, что я сама вырыла своими руками яму, в которую улетели наши с Тимуром отношения. Каждая секунда, отсчитываемая часами, ощущается словно издевательство.

Пытаюсь прийти в себя, втянуть воздух, чтобы не задохнуться от этой боли и гнева.

— То есть ты… продолжаешь встречаться с Дарьей? Я правильно понимаю? — произношу слова медленно, как бы давая Тимуру шанс опровергнуть их, сказать хоть что-то, что не будет звучать как окончательный приговор нашим отношениям.

Муж тяжело вздыхает, смотрит на меня с укоризной, будто видит перед собой капризного ребенка, а потом также медленно, как и я до этого, произносит:

— А почему я должен прекратить с ней общение? — Тимур нарочито выделяет последнее слово, ставя на нем ударение, как будто я не понимаю элементарного. — Мы работаем вместе, Яна. Или ты хочешь, чтобы я из-за твоих капризов ломал ее карьеру?

Непролитые слезы жгут глаза. Дышать становится невероятно трудно. Вот что Тимура действительно волнует — карьера какой-то девицы, которую она явно через постель строит, а не наши отношения.

— А как же обещание, которое ты мне когда-то дал? Быть верным… — горло сдавило так, что каждое слово становится пыткой. Ярость смешивается с отчаянием. — Хотя… — горькая усмешка кривит губы, — о чем это я, ты его уже нарушил…

Миг, и Тимур делает шаг ко мне, приближаясь вплотную.

Инстинктивно пытаюсь отшатнуться, но муж ловко перехватывает меня за талию, вдавливая в свое тело с такой силой, что у меня перехватывает дыхание. Лицо Тимура оказывается совсем рядом. Я чувствую тепло мужа, его дыхание на своей коже, и это…. ужасает. Ведь не могу отделаться от ощущения, что я попала в ловушку.

— С чего ты это взяла? — произносит Тимур низко, хрипло, прямо у моих губ. — Да, я обещал тебе быть верным… душой. И с тех пор ничего не изменилось. Я все еще твой верный, любящий муж. Так что хватит истерить и доводить меня. Возвращайся домой, — муж аккуратно проводит кончиками пальцев по моему виску, жест, который, по идее, должен выражать нежность, показывает лишь стальную власть и контроль, — и выбрось все лишние мысли из своей головки, — Тимур пальцем скользит по моей щеке. Пытаюсь вырваться, стараюсь даже укусить его, но хватка мужа на моей талии оказывается железной, а тело прижато к нему так плотно, что любое движение только усиливает контакт. — Или ты, — Тимур прижимается еще ближе, губы мужа почти касаются моих, а в его глазах с легкостью считывается вызов,

смешанный с холодным расчетом, — уже все для себя решила? Как когда-то решила, что никогда не будешь встречаться с музыкантами? Но Яна, давай, я тебе напомню, что ты уже однажды поступилась своими принципами. Предлагаю тебе сделать то же самое и в этот раз.

Глава 7

Смотрю в глаза мужу и чувствую, как меня буквально разрывает изнутри. Я же верила Тимуру… верила до последнего. Верила, что он не из тех музыкантов, которые спят со своими фанатками. Хотя… как я понимаю, Дарья не фанатка. Она как раз из тех девочек, которые готовы на все, чтобы пробиться на сцену. Такие, как она, не погнушаются ничем, чтобы построить «карьеру», которую Тимур так заботливо не хочет ломать. Меня буквально выворачивает изнутри.

Хочется кричать, истерить, плакать, но… присутствие мужа так близко ко мне вызывает только одно желание — желание избавиться от его рук на моем теле. Не хочу больше ощущать горячее дыхание Тимура на своих губах, которое раньше символизировало нашу близость. Не хочу чувствовать то самое тепло, которое согревало меня даже в самые холодные ночи. Не хочу ловить свойственный только Тимуру чуть солоноватый с нотками дерева и табака аромат, он заполняет легкие, кружит голову, вызывает воспоминания, которые сейчас причиняют только боль.

Я не понимаю… правда, не понимаю, зачем так жестоко со мной поступать. У нас же была договоренность… Тимур мог просто прийти и сказать «я тебя больше не люблю». Зачем было предавать?

Верность душой не считается, когда тело… наслаждается

другой.

От этой мысли меня начинает тошнить. И все усугубляет тот факт, что Тимур попрекает меня тем, что я поступилась своими принципами. Но я сделала это только для него… для моего музыканта, который обещал мне, что никогда не предаст. А теперь, когда я уже наступила на свои грабли, которые больно ударили меня по лбу, Тимур требует от меня сделать то же самое. В таком муж меня совсем не знает. Я не совершаю ошибки дважды… учусь на них… и уж точно не собираюсь «выбрасывать все лишние мысли из головы».

Смотрю Тимуру в глаза и понимаю… все кончено… окончательно и бесповоротно.

— Отпусти меня, — шепчу, пытаясь выбраться из рук мужа. Но он только усиливает хватку, буквально вдавливая меня в свое тело.

— Что ты задумала, Яночка? — вроде бы мягко произносит Тимур, но в его тоне отчетливо слышатся предупреждающие нотки.

«Не делай глупостей», — без сомнений, мысленно передает мне муж.

А я и не делаю… я принимаю решение в свою пользу…

— Я тебя бросаю, — говорю спокойно, а потом отворачиваюсь.

Не хочу видеть глаз мужа. Больше не могу чувствовать его горячее дыхание. Даже сама дышать не хочу. Но делать вдохи приходится, иначе это ничем хорошим не закончится.

Мне нужно оставаться сильной и собранной. Особенно после того, как Тимур заявляет:

— То есть… ты собралась разрушить нашу семью из-за… пустяка?

Мое умиротворение, которое далось мне с особым трудом, взрывается внутри мгновенно.

— Пустяка? — бросаю на мужа презрительный взгляд. — Серьезно? Пустяка? Ты измену пустяком называешь?

Тимур еще несколько секунд стоит, вдавливаясь в меня, а потом резко делает шаг назад.

— Да, все произошедшее это пустяк! — холодно отчеканивает муж, делая несколько шагов назад. Создает пространство между нами, но дышать легче не становится, потому что Тимур сверлит меня презрительным, обвиняющим взглядом. — И он уж точно не стоит того, чтобы разрушать то, что строилось годами. Тем более я уже пообещал, что ты с Дарьей больше не столкнешься… Я скажу ей, чтобы она тебя больше не беспокоила. Тебе этого мало?

Смотрю на Тимура и качаю головой. Так сложно поверить, что эта сцена происходит в моей жизни. Обнимаю себя за талию, пытаюсь унять дрожь, которая волнами проносится по телу, сотрясая его.

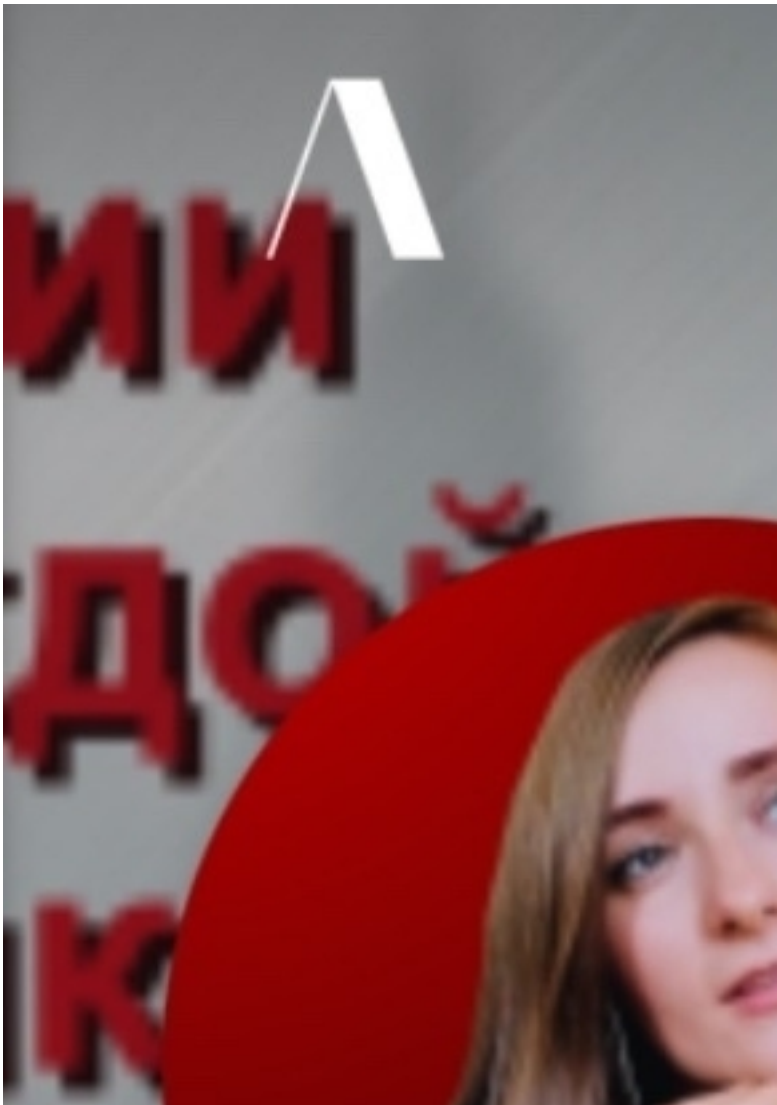
— А если я скажу, что мало? Что ты сделаешь? — бросаю Тимуру вызов вместо того, чтобы поступить, как здравомыслящая женщина, и просто уйти.

Знаю же, что ничем хорошим подобное поведение не за-

кончится. Но все равно провоцирую мужа, чтобы понять, как далеко он может зайти.

Далеко… судя по следующему его ответу:

— Чего ты от меня хочешь? Я уже извинился перед тобой. Снова сказал «прости»? — выплевывает Тимур, складывая руки на груди. — Ломать карьеру Дарьи я точно не собираюсь, она ничего такого не сделала. Девочка просто хочет стать успешной и использует для этого все доступные ей методы. Вон как за мужика борется, который даже не ее… хотя судя по всему… пока что. Тебе бы у нее поучиться, — бросает муж, а я едва не роняю челюсть на пол.

Девочки, я тут начала вести свой *телеграм-канал.* Если вам нравится мое творчество и хочется поближе познакомиться со мной, обязательно заглядывайте. Ссылку на канал вы найдете тут ➡*#https://litnet.com/shrt/y9bV*

Глава 8

— Поучиться у нее? Чему? — спрашиваю не своим голосом, настолько изумленно он звучит. — Как ноги раздвигать перед женатым мужиком? Нет, уж спасибо. Я и без столь унизительного занятия всего в жизни добьюсь.

— Я в этом не сомневаюсь, — фыркает муж, отходя обратно к своему рабочему инструменту — пульту управления, на меня Тимур больше не смотрит.

В голове словно по заказу всплывают слова Дарьи: «Теперь понятно, почему Тим дома не ночует и почему у вас секс только по выходным! Какой дурак, такую взбалмошную сучку захочет!»

Каждая мышца в моем теле напрягается, жар разливается по венам, явно повышая мою температуру на несколько градусов, именно поэтому становится понятно, почему я становлюсь на столь скользкую дорожку, произнося:

— И что ты хочешь этим сказать?

Тимур на мгновение застывает, его плечи напрягаются. Я уверена, он обдумывает, стоит делать ли следующий шаг, но, видимо, в итоге решает прыгнуть в бездну, потому поворачивается ко мне, опирается бедрами на рабочий стол, засовывает руки в карманы джинсов и выдает:

— Да, ты и передо мной ноги не слишком часто раздвигаешь в последнее время. Вряд ли перед чужим мужиком ста-

нешь.

Боль стреляет в каждой клеточке моего тела. Зажмуриваюсь. Стараюсь не поддаваться на провокацию. Стараюсь не вспоминать… Но контроль ускользает сквозь пальцы, как и время, отведенное мне мужем… на истерику. Сколько уже прошло? Что-то мне подсказывает, что больше десяти минут. Почему тогда его Лея не возвращается? Почему…?

В таком случае я бы просто развернулась и ушла, а так слова сами покидают мой рот:

— Ты прекрасно знаешь, почему… — договорить не получается, голос попросту затихает. А я… я стараюсь не думать…

— Господи, Яна! Сколько уже времени прошло?! — взрывается Тимур. После чего ненадолго затихает. Делает глубокий вдох, медленный выдох и уже более спокойно констатирует: — А я здоровый мужик… мне нужна моя жена… нужна не только номинально, но и в постели. Нужна ласка и забота. Как думаешь, что происходит, когда мужчина этого не получает от своей женщины? Правильно, он находит ей замену!

Замену… вот кто оказывается Дарья. Замена мне…

— Знаешь… — произношу хрипло из-за сдавленного словно жгутом горла, — если меня так легко заменить, то… может, и правда тебе лучше уйти к этой замене? — боль и обида сквозит в каждом моем слове.

— Твою мать, Яна! — снова вспыхивает Тимур, подлетает

ко мне. Хватает за плечи, прилично так встряхивает. — Ты хоть слышишь меня! Я до тебя пытаюсь достучаться! Сохранить наш брак вообще-то стараюсь… а ты…

Я тоже не выдерживаю, повышаю голос:

— Ты мне изменил, а о каком, к черту, браке ты сейчас говоришь?!

Тимур долго вглядывается в мои глаза, а потом невесело усмехается:

— Так вот что тебя волнует больше всего?! Не наша рушащаяся семья?! А не какая-то там измена?! — фыркает. — Окей. Давай решать с ней вопрос. Что ты хочешь, чтобы я сделал, чтобы ты выбросила ее из головы? Как я понимаю, простого «прости» тебе недостаточно, — он на секунду задумывается. А потом как выдаст: — Встать перед тобой на колени? После этого тебе станет легче? Если это тебе поможет простить и забыть… давай я сделаю это прямо сейчас, — подозрительно щурится, показывая, что следующий ход за мной.

Ждет моей реакции… секунду, две, прежде чем я выдыхаю:

— Не нужны мне никакие твои покаяния на коленях. Это ничего не исправит, — господи, почему же так тяжело.

Зря я приехала к Тимуру. Ой как зря. Я хотела, чтобы он сказал — я все еще верен тебе, Яна. Не просто душой, но и телом. А попала в настоящую семейную драму с выяснением отношений. А этого мне точно не нужно… не после всего,

что я пережила. Нужно было просто ехать домой… и собирать свои вещи, или лучше мужа…

— Как я и думал, — хмыкает Тимур и отпускает меня. — Вместо того чтобы подумать головой, ты ведешь себя как самая настоящая стерва! — возвращается к своему пульту и на этот раз даже садится на кресло. Берет наушники, но прежде чем надеть их, заявляет: — Твое время вышло, Яна. Мне нужно работать, а ты едь домой. Вечером приеду, и мы поговорим. Обсудим, как нам существовать в новых реалиях. — В тех самых реалиях, когда верность физическая не обязательна в браке? Только душевная? — А если тебя не будет дома… что ж, я буду считать, что мои слова, как я и сам, как и наша семья, для тебя ничего не значат… никогда не значили.

Тимур надевает наушники и нажимает на какую-то кнопку на пульте, отрезая себя не только от меня, но и от всего мира. Я же еще несколько секунд смотрю на затылок мужа, буквально сверлю его взглядом, пытаясь мысленно достучаться, но все зря. Муж ведет себя так, будто меня не существует.

Его «прости», сказанное небрежным тоном, крутится у меня в голове словно на повторе. Я понимаю, что должна уйти прямо сейчас… должна двигаться дальше, уже без Тимура. Но так сложно сделать последний шаг, особенно когда хочется начать спорить и кричать: «Это для тебя наша семья ничего не значила. Ведь это ты изменил! Ведь это ты не рас-

каиваешься! Ведь это ты в ответ на обвинение в измене сказал пренебрежительное “Прости”!».

Но вместо этого я нахожу в себе остатки сил и потрепанной гордости, кладу ладонь на дверную ручку и, прежде чем сделать последний шаг, который окончательно перевернет мою жизнь с ног на голову, бормочу:

— Это было твое последнее «прости».

Глава 9

В тот день… Тимур дома меня не застал. Хотя, насколько мне известно, он и сам не приехал. Не знаю, где на тот момент все еще мой муж провел ночь, может, на работе… а может быть, у Дарьи… но то, что его не было — это факт. Я же сама укатила к подруге, чтобы поплакаться ей в жилетку и посетовать на жизнь… в общем, выпустить эмоции. Именно в тот вечер я и подала заявление на развод через Госуслуги, которое Тимур без споров принял. После его громких заявлений, что он хочет сохранить семью, — это было, как минимум, неожиданно.

Уже прошел почти год с того судьбоносного дня. За это время мы с Тимуром виделись всего раз, когда подписывали документы на развод. В тот день муж посмотрел на меня так, словно это я предала все, что было между нами. В его взгляде скрывалась и боль, и разочарование, и смирение. Это только то, что мне удалось определить. Хоть мы не перебросились ни словом, я и без этого все поняла. Тимур винил меня в разрушении нашей семьи. Ведь его связь с Дарьей — просто «пустяк», а «верность душой» — самое главное. После наших «переглядок» Тимур ушел из моей жизни, оставив мне все, забрав лишь свою компанию. Я не возражала, потому что хотела разорвать наконец нашу связь, которая длилась годами, была счастливой, а в последнее время оказалась вы-

валенной в грязи.

— Эй… ты меня слышишь? — пронзительный голос Риты, который раздается через динамик моего телефона, поставленного на громкую связь, заставляет меня вздрогнуть. Я чуть не съезжаю в кювет, резко выравнивая руль.

Сердце пропускает удар, а потом начинает колотиться где-то в горле.

Еду за рулем, впившись пальцами в кожаную оплетку, и всеми силами стараюсь не превысить скорость, хотя жутко опаздываю на свадьбу… свадьбу своей лучшей подруги. Говорить с Ритой за рулем — так себе идея, конечно. Но… я просто не могла ей не ответить. Сегодня она — центр вселенной, все-таки невеста. И ее паника сквозь помехи связи ощущается почти физически.

— Да, прости… задумалась, — на секунду отрываю взгляд от асфальта, мелькающего в предрассветной дымке, и бросаю его на экран телефона, закрепленного на держателе.

На экране сразу замечаю мордашку Риты. Утро едва началось, она сидит перед большим зеркалом в пышном белом халате, похожем на облако. Ее светлые, почти льняные волосы, обычно собранные в небрежный пучок, сейчас рассыпаны по плечам, и над ними колдует стилист, закалывая невидимками очередную прядь. Рита красива всегда, но сейчас, с легким румянцем волнения на щеках и огромными синими глазами, полными смеси паники и счастья, она выглядит… неземной. Как ангел, случайно попавший в предсвадебный

хаос. За ее спиной мелькают тени подружек и визажистов, слышен сдержанный гул голосов и звон расчесок.

И тут мой взгляд ловит мое собственное отражение в маленьком окошке видеосвязи. Контраст удручающий. Я — полная противоположность невесте. Мои некогда аккуратные светлые волосы торчат во все стороны, словно я только что встала с постели, что, в общем-то, правда — будильник не услышала. Следы вчерашнего недосыпа темными тенями легли под глазами. На мне старый, растянутый свитер и джинсы. А на заднем сидении моей машины валяется скомканное и явно нуждающееся в срочной глажке платье — невестам подружки полагается быть в пастельных тонах, мое — нежно-розовое.

Но если честно, мой внешний вид меня мало волнует, как и тот факт, что я опаздываю на сборы невесты и ее подружек. Есть другая тема, которая не дает мне покоя.

— Говоришь, Тимур не приедет? — в очередной раз переспрашиваю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Это же свадьба его лучшего друга…

Мысль о возможной встрече с бывшим мужем сжимала мне горло с того самого момента, как пришло приглашение. Я чуть не отказалась. Ведь Сергей — жених и по совместительству лучший друг Тимура. Эти двое не разлей вода с тех самых времен, когда они оба гремели на рок-фестивалях в одной группе. Мы познакомились все вместе — я, Рита, Тимур и Сергей. Парни мечтали о том, что взорвут медиа, а

нам с Ритой оставалось их только поддерживать. Вот только жизнь оказалась чуть сложнее, группа распалась и развела мужчин в разные сферы деятельности: Тимур ушел в продюсирование, Сергей — в бизнес, но дружба их осталась. И вот теперь моя лучшая подруга выходит замуж за лучшего друга моего бывшего мужа, хотя изначально Рита с Сергеем всем рассказывали, что просто друзья — ну да, ну да.

Когда я узнала о свадьбе, уткнулась Ритке в плечо, умоляя понять, почему я не могу прийти. Но она уговорила меня и успокоила: Тимур, мол, сейчас занят продвижением какой-то новой певицы на азиатском рынке. Живет в Китае чуть ли на постоянной основе уже полгода. Шансы пересечься на свадьбе — минимальны.

«Он даже билеты еще не купил, Ян!» — убеждала меня подруга.

Я ей поверила, именно поэтому согласилась пойти на свадьбу. Иначе вряд ли решилась бы на этот шаг, ведь мысль увидеть лицо бывшего мужа, услышать его голос, почувствовать присутствие… вызывала дрожь. Воспоминания о том последнем взгляде в ЗАГСе, полном немой укоризны, до сих пор не оставляют мою душу, впивались как занозы, и непонятно, как их вытащить. Тимур ушел, оставив меня с ощущением, что это я разбила наш хрустальный замок, а не он сделал это своим «пустяком» и «верностью душой». Мысль, что бывший муж может появиться сегодня, среди смеха, шампанского и белых роз… Нет. Я не выдержу. Я разобьюсь

вдребезги на глазах у всех.

— Вроде как нет… — голос Риты звучит чуть более уверенно, но в нем все еще тлеет уголь тревоги. — Сережа говорит, что у Тима проблемы с вылетом, и он застрял в Китае с… — подруга резко отсекается.

А у меня перехватывает дыхание, ведь я прекрасно знаю, что Рита не договорила:

— Застрял с Дашей?

Глава 10

Пальцы белеют от напряжения, сжимая руль.

«Застрял с Дашей?» — мои собственные слова повисают в салоне машины, звонкие и острые, как осколки стекла. Они режут по старой ране, которая, казалось, уже зарубцевалась за этот год. Но нет. Она просто притаилась, ждала удобного момента, чтобы заныть с новой силой.

Рита на экране телефона замирает. Ее сияющее лицо невесты меркнет, сменяясь выражением вины и жалости. Я краем глаза замечаю, как она сжимает губы, как отводит взгляд куда-то в сторону, за кадр, где, наверное, суетятся визажисты или подружки.

— Ян, — начинает она осторожно, протягивая мое имя. — Он… да, Тимур там с ней. Но это же работа! Продвижение, контракты…

— Не надо, Рит, — резко машу головой. — Я передумала. Не рассказывай мне ничего. Ничего о нем. О них. Пожалуйста.

Молчание на другом конце провода становится плотным, тягучим. Я слышу только шум автомобиля и собственное сердце, тяжело и гулко колотящееся где-то в районе горла.

Прошлый год пролетел в тумане работы и нарочитого забвения. Я запретила себе думать о Тимуре. Запретила друзьям произносить его имя при мне. Выбросила все, что на-

поминало о бывшем муже. Открывала новые кофейни своей сети одну за другой — «Кофе и Котики» множились, как грибы после дождя, заполняя пустоту времени, но не души. Я научилась дышать ровно, улыбаться клиентам, смеяться с подругами.

Я почти поверила, что вылечилась. Пока не задала этот дурацкий вопрос.

Рита тяжело вздыхает, звук доносится сквозь помехи связи, словно стон.

— Может, все-таки нам стоит поговорить? Обо всем? Я же вижу, как ты до сих пор мучаешься… — произносит она тихо, проникновенно. — Ты запираешь это внутри, а оно…

— Мы не будем говорить о моем бывшем муже, Рита, — перебиваю я подругу резче, чем планировала. — Уже почти год прошел. У нас обоих своя жизнь. Отдельная друг от друга. И я… я не мучаюсь. Я живу. Поэтому можешь не переживать. Главное, что его сегодня не будет. Он в Китае, я здесь. Наши орбиты больше не пересекутся. Никогда! — произношу это как заклинание, как мантру, в которую отчаянно хочу верить. Китай. Тысячи километров. Океан. Он — там, с ней, со своей восходящей звездой, которой он так не хотел «ломать карьеру». А я… я здесь. На свадьбе подруги. И все.

Но почему тогда в груди так пусто и холодно?

Рита смотрит на меня сквозь экран долгим, оценивающим взглядом. Я вижу, как она колеблется, как в ее синих глазах мелькает что-то нехорошее, тревожное. Знакомое. Такое же,

как тогда, когда она впервые проболталась о «проблемах с вылетом».

— Ну… как знаешь, — наконец произносит она, но в ее тоне нет облегчения. Скорее, вымученное согласие. — Может, ты и права. Пора начать новую жизнь. Окончательно. И вообще… — на лице Риты вдруг появляется знакомая хитрая искорка, та самая, что всегда предвещала какую-нибудь авантюру, в которую она обязательно меня втянет. — Я тебе свидетеля такого подобрала, ты просто закачаешься! Серьезно! Он — само очарование, умница, и, кажется, давно на тебя поглядывает! Тебе он обяза-а-ательно понравится! — что-то нехорошее вспыхивает во взгляде, из-за чего у меня желудок стягивается в тугой узел.

Глава 11

Что-то внутри меня резко сжимается. И это что-то совсем не похоже на предвкушение и радость. Скорее, оно напоминает… чистую, животную панику.

«Мне не надо никаких свидетелей, не надо!» — крик застревает в горле и отказывается просачиваться наружу, когда я вижу, что это «нехорошее» в глазах Риты.

Неужели подруга хочет меня «пристроить»? Залатать дыру в моей жизни первым подвернувшимся мужчиной? Как будто я вещь, которую нужно срочно передать в хорошие руки…

Делаю глубокий, дрожащий вдох. Воздух обжигает легкие.

Год… целый год я собирала себя по кусочкам. Училась жить без «мы». Училась быть просто Яной. Не женой Тимура Григорьева. Не брошенной дурочкой. Не жертвой «звездной пары», чьи счастливые лица преследовали меня из каждого глянцевого журнала и ленты соцсетей.

Господи, за этот год самым сложным было видеть повсюду Тимура и его новую «невесту».

Где-то через месяц после развода я совершила огромную ошибку: вбила в поиск имя своего бывшего мужа. Результат ударил под дых. Я никак не ожидала, что увижу сотни фотографий Тимура с Дарьей.

…Тимур и Дарья, обнимающиеся на красной дорожке какого-то модного закрытого мероприятия — она в ослепительно красном, откровенном платье, он в идеально сидящем смокинге, его рука уверенно лежит на ее обнаженной спине… Улыбки сияющие, победные.

…Тимур и Дарья, выходящие из элитного ресторана — бывший муж галантно придерживает ей дверь, их пальцы сплетены…

…Тимур и Дарья на ступенях его звукозаписывающей студии — он что-то шепчет ей на ухо, а она заливается смехом, запрокинув голову. Казалось, они позируют специально для меня, для моей личной пытки…

Заголовки статей, которые я тогда увидела, добили меня окончательно: «Новая муза продюсера Григорьева зажигает!», «Любовь с первого дубля?», «Новый совместный хит скоро…»

Я листала фотографии, листала, листала, а потом плакала, плакала, плакала…

Не помню, чем закончился тот вечер, скорее всего, я просто уснула со слезами на глазах. Но одно знаю точно — после этого начался самый настоящий ад.

Тимур и Дарья преследовали меня. В газетных киосках — их улыбающиеся лица смотрели на меня с обложек глянца. По телевизору — Тимур давал интервью о «новом витке в карьере и личной жизни», его рука небрежно лежала на бедре Дарьи, пока она скромно потупила взгляд в пол, играя роль

восхищенной ученицы. А еще… музыка. Песни Дарьи звучали отовсюду. Мелодичный, нарочито хрупкий голос, который когда-то сказал мне, что она «достойнее», лился из колонок в моих же кофейнях, из радиоприемников в машине, из открытых окон проезжающих машин. Даже на улице, пытаясь заглушить мир наушниками, я натыкалась на ее клипы на рекламных экранах. Единственным убежищем был мой дом, но и там стоило включить «Алису» или телевизор, сразу же сквозь цифровой шум неизбежно пробивался этот голос, поющий о запретной страсти, о любви, которая «стоит риска», о том, как Дарья «нашла свое счастье».

Тимур выполнил свою работу блестяще. Он сделал из Дарьи настоящую звезду, и сам стал еще более медийным, еще более узнаваемым.

Этих двоих прозвали «золотой парой» индустрии. Папарацци ловили их повсюду: на прогулке с дорогущей собакой какой-то гламурной породы, выходящими из бутика с крафтовыми пакетами, на закрытой вечеринке у бассейна. Каждая новая фотография, каждое интервью, которые попадали мне на глаза, ощущались словно ножи, медленно поворачивающиеся в незаживающей ране. Моя жизнь превратилась в ад, и я отчаянно пыталась отгородиться — удалила соцсети, отписалась от всех новостных пабликов, поставила жесткие фильтры на музыку в заведениях.

И только недавно, когда слухи об отъезде этих двоих в Азию подтвердились, когда их лица наконец исчезли из моей

ленты, я смогла вздохнуть полной грудью, начала понемногу залечивать свое разбитое сердце. Конечно, оно все еще болит. Иногда глухой, ноющей болью — из-за потерянных лет, измученных надежд, чувства, что лучшую часть жизни я отдала человеку, для которого все это оказалось «пустяком». Иногда — резким уколом, когда натыкаюсь на старую фотографию или слышу песню, которую, не сомневаюсь, Тимур написал для своей новой любви. Но я не сломалась. Я не отчаиваюсь. Я строю свою маленькую империю «Кофе и Котики», учусь находить радость в мелочах, в утреннем кофе, в мурлыканье спасательного кота, которого подобрала у мусорных баков возле кофейни.

Но новые отношения? Нет, я к ним не готова. Доверить кому-то свое сердце снова? Открыть душу? Позволить себе снова быть уязвимой? Мысли об этом вызывают ледяной спазм страха где-то под ложечкой. Я только-только отогрелась после той вечной зимы, которую устроил мне Тимур своим «верен душой».

Тяжело вздыхаю, судорожно сжимаю руль. На экране телефона Рита все еще смотрит на меня с этим странным, заговорщическим блеском в глазах. Бросаю на подругу самый подозрительный взгляд, какой только могу собрать на своем измученном лице:

— И кто же будет этим... свидетелем? — голос звучит хрипло, выдавая мое напряжение.

Рита сразу оживляется, что-то снова мелькает в ее гла-

зах… Азарт? Удовлетворение? Определить не получается.

— Увидишь, — коварная ухмылка на секунду растягивает ее накрашенные губы. — Доверься мне, ладно? Честное слово, он тебя не разочарует. И он… он не из тех, кто будет давить. Тебя ждет просто… флирт. Легкий, непринужденный. Чтобы ты снова почувствовала себя… желанной. Женщиной, а не бывшей женой звездного продюсера, — продолжает меня убеждать подруга.

Довериться? Я разучилась доверять. После клятв Тимура, после его «верности душой», после всех этих фотографий и интервью… Доверие рассыпалось в пыль. Но это же Рита. Моя подруга. Та, которая держала меня, когда я рыдала в истерике на ее плече после визита Дарьи и окончательного разрыва с Тимуром. Та, которая притащила вина и мороженого в первую ночь после развода. Та, которая никогда не подводила.

Делаю глубокий вдох. Медленный выдох… Сердце все еще невероятно быстро колотится, но паника чуть отступает, уступая место усталой покорности и слабому, слабому любопытству.

— Хорошо, Рита, — говорю я, и мой голос звучит удивительно спокойно, почти нормально. — Ладно. Расскажешь про своего свидетеля… позже. Сейчас я почти приехала. Готовь утюг для моего платья, оно похоже на жертву стихийного бедствия. И… спасибо.

Произношу последнее слово, а на заднем фоне мелькает

мысль, что, может быть, Рита и права. Год — достаточный срок, чтобы перестать прятаться в скорлупе. Пора начать новую жизнь… настоящую жизнь… без Тимура.

Глава 12

— Я уже бегу… бегу, — несусь по холлу отеля с платьем в руках и тяжелой сумкой на плече, оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, где же находится этот долбаный лифт. Черт! Сначала же нужно зарегистрироваться. Резко разворачиваюсь и со всех ног бегу к ресепшену. Сердце колотится как сумасшедшее, подгоняемое и опозданием, и каким-то нехорошим предчувствием. — Не могли бы вы выбрать отель поближе? Я пока постояла в пробке на выезде из города, пока припарковалась, пока сейчас зарегистрируюсь… короче, похоже, пропущу все твои сборы, — добегаю до стойки регистрации и, зажав телефон плечом, достаю из сумки паспорт. Пальцы дрожат, едва удерживая кожаный кошелек.

Темноволосая девушка за стойкой, с идеальной укладкой и безупречным макияжем, широко и понимающе улыбается, после чего спокойно берет документы. Ее невозмутимость — островок спокойствия в моем личном цунами.

— Да не переживай ты так, все будет хорошо, — из динамика телефона доносится удивительно ровный, почти мечтательный голос Риты. — Главное, что ты приехала. Остальное неважно. Забрось вещи в свой номер. Хватай платье и беги ко мне. Мы его тут отпарим, визажистка ждет тебя, чтобы накрасить. Поэтому не волнуйся ты так, все пройдет в лучшем виде.

По идее, на свадьбе невеста должна переживать, а не ее лучшая подруга, только у нас почему-то все наоборот. Судя по тому, что я слышу, — Рита максимально спокойна. Похоже, она даже не сомневается, выходить ли за Сергея или нет. Она полностью уверена в своем выборе, и это замечательно.

Невольно вспоминаю, что я на своей свадьбе состояла из сплошной тревоги.

Ну и чем все закончилось? Горечью, предательством и этим вечным комком под ложечкой при мысли о муже.

Надеюсь, тот факт, что Рита ни капли не волнуется, говорит, что их брак с Сергеем будет крепким и счастливым. Хотя бы у кого-то должно все сложиться.

Отрываю взгляд от улыбающейся девушки, заполняющей документы на компьютере, и оглядываюсь по сторонам.

Загородный отель…

Сергей не поскупился и снял действительно хороший отель.

Холл очень впечатляет: высокие сводчатые потолки, отделанные темным деревом, огромные окна в пол, за которыми угадывается терраса и вид на лесное озеро; мягкие ковры, утопающие диваны в зоне отдыха; запах дорогой древесины и свежесрезанных цветов — белых роз, конечно же, — все здесь дышит роскошью и спокойствием.

«Идиллия», — в голове мелькает подходящее слово, вот только оно почему-то лишь усиливает мою внутреннюю дрожь.

— Откуда здесь столько людей? — спрашиваю я, удивленно озирая холл.

Группы наряженных гостей, семьи с детьми, парочки — все куда-то движутся, смеются, обсуждают планы. Такое ощущение, будто весь город решил свалить именно сюда.

— Да сезон у них, похоже, — голос Риты звучит слегка приглушенным шумом фена на заднем плане, но я все равно улавливаю в нем беззаботность. — Ты не переживай, у нас отдельный банкетный зал и номера забронированы для всех гостей. Ты уже проходишь регистрацию?

— Да, скоро бу… — воздух перехватывает.

Взгляд падает на… брюнетку в толпе, в окружении девушек в ярких платьях… точнее, на ее спину.

Не могу отвести глаз от длинных, иссиня-черных волос, ниспадающих волнами почти до талии. Скольжу взглядом по идеальной прямой осанке, высоким каблукам, подчеркивающим стройные ноги. На девушке облегающее платье глубокого изумрудного цвета, с открытой спиной и разрезом до бедра. Оно кричит о деньгах, вкусе и… уверенности. Горделивая посадка головы тоже кажется до безумия знакомой.

Все внутри у меня переворачивается, потом прошлое накатывает на меня разом.

Все внутри переворачивается, потому что мне кажется, что я вижу Дарью.

Я настолько часто видела ее фотографии с Тимуром — именно с этого ракурса, со спины, что не могу ошибиться.

Это же… она? Но нет! Это не может же быть! Она же в Китае!

Дыхание застревает в груди, взгляд не отрывается от брюнетки, которая находится в окружении девушек, пытающихся заглянуть ей в рот, и выглядит так… так по-хозяйски. Так, будто она здесь главная. Так, как всегда выглядела Дарья рядом с Тимуром на снимках.

Я смотрю, смотрю на эту девушку и не могу понять, действительно ли это Дарья или просто жуткое сходство, игра моего расшатанного воображения. Сердце колотится так, что вот-вот вырвется наружу. Руки холодеют. Кажется, весь шум холла: смех, голоса, музыка откуда-то из колонок, — стихает, остается только гул в ушах и фигура в изумрудном платье.

И вот она, эта Дарья… или не Дарья… поворачивается. Поворачивается… поворачивается… Я напрягаю зрение, пытаясь разглядеть черты лица сквозь толпу и…

Глава 13

В следующий момент в мою спину врезается что-то твердое и тяжелое. Вскрикиваю, теряю равновесие, сумка и платье вываливаются из рук. Чуть не падаю лицом в пол, но чья-то сильная рука резко хватает меня за локоть, поддерживая.

— Простите, я вас не заметил! — до моего затуманенного паникой и страхом сознания доносится слегка встревоженный мужской голос.

Я едва слышу его. Отмахиваюсь от человека, сбившего меня. Даже не глядя, вырываю руку. Заглядываю через плечо нарушителя моего спокойствия, смотрю туда, где секунду назад стояла брюнетка. Вижу толпу девушек, но… никакой «изумрудной спинки». Никакой Дарьи. На том месте, где стояла новая любовь моего мужа, теперь пустота. Сердце бешено стучит в висках. Я очень надеюсь, что это чертова галлюцинация. Не может же быть, что Дарья здесь! Мысли путаются, паника сжимает горло. Надо успокоиться. Я просто обозналась. На нервах. Из-за этой чертовой свадьбы и страха встретить бывшего мужа.

— Ваш ключ, — вежливый голос девушки-администратора возвращает меня в реальность, протягивает мне карточку. — Номер 1605. Лифты справа, за колонной. Добро пожаловать!

Я автоматически хватаю ключ, бормочу подруге, о кото-

рой едва не забыла, «скоро буду» и отклоняю вызов до того, как Рита успевает мне что-то сказать. Киваю девушке за стойкой, подбираю сумку и скомканное платье и бегу к лифтам. Один как раз открывается, пригласительно светясь, стоит мне приблизиться.

Я чуть ли не вбегаю внутрь, тычу кнопку шестнадцатого этажа. Двери тут же начинают закрываться. Прислоняюсь к зеркальной стене, пытаясь выдохнуть, вытереть ладонью внезапно вспотевший лоб.

Я просто обозналась. Все хорошо. Рита права, Тимур в Китае. Дарья с ним. Они далеко.

Прикрываю веки в попытке расслабиться, но в следующий момент чувствую, как что-то щекочет, режет в правом глазу. Соринка? Черт! Я начинаю тереть глаз пальцами, моргать, но дискомфорт только усиливается. Слезы наворачиваются сами по себе, от боли и от этой дурацкой ситуации. Взор размывается. Я пытаюсь оттянуть веко, заглянуть в зеркало, но ничего не вижу сквозь слезы и раздражение. Паника, только что отступившая, возвращается с новой силой. Не сейчас! Только не сейчас!

В этот самый момент, когда двери лифта уже почти закрываются, в щель протискивается мужская нога. Створки с раздраженным шипением разъезжаются снова. В лифт входит мужчина. Высокий, в чем-то темном. Это все, что мне удается «рассмотреть». Мужчина нажимает на какую-то кнопку на панели с номерами этажей, после чего останавливается

напротив меня, спиной к дверям, которые снова закрываются.

Лифт трогается.

А он стоит. И смотрит. Прямо на меня. Пристально. Молча. Я чувствую его взгляд, тяжелый, изучающий, скользящий по моему растерянному, заплаканному лицу, по скомканному платью в руках. Стыд и раздражение поднимаются волной. Мои нервы и так на пределе, а тут этот… зритель моей мелодрамы.

В какой-то момент я начинаю психовать. Злость на себя, на Тимура, на Дарью, на эту соринку, на весь мир вырывается наружу.

— Вы так и продолжите смотреть или поможете, может быть?! — огрызаюсь, не в силах сдержать дрожь в голосе. — Или вам нравится вид плачущих женщин в лифтах?!

Мужчина не отвечает. Он делает шаг ко мне. Я инстинктивно отшатываюсь к стене, но он просто аккуратно берет мою руку, которую я подняла, чтобы снова потереть глаз, молча отводит ее от моего лица. Я замираю, слишком ошеломленная, чтобы сопротивляться. Он наклоняется чуть ближе, его дыхание касается моей кожи. Одной рукой незнакомец мягко, но уверенно придерживает мое запястье, а пальцами другой очень осторожно, аккуратно оттягивает нижнее веко моего больного глаза. Я чувствую легчайшее прикосновение. И через секунду дискомфорт исчезает. Он вытаскивает ту самую проклятую соринку.

Я наконец-то перестаю чувствовать жгучую боль, промаргиваюсь несколько раз, протираю глаза тыльной стороной ладони. Слезы еще стоят в них, но зрение проясняется.

— Спасибо… — произношу хрипло, все еще не глядя на незнакомца, больше по привычке вежливости, чем от души.

Открываю веки, сначала вижу мутный силуэт в темном пиджаке. Образ проясняется, и мне удается рассмотреть белую рубашку, расстегнутую на пару пуговиц у шеи, сильную линию челюсти, знакомый изгиб губ. Прекрасно вижу черные волосы, чуть длиннее, чем раньше, небрежно откинутые со лба, темные, глубокие глаза, в которых читается… что? Удивление? Ирония? Нечто невыразимое?

Дыхание перехватывает окончательно. Земля уходит из-под ног. Шум отеля, гул лифта, биение собственного сердца — все глохнет в оглушительной тишине. Я не верю своим глазам. Не может быть. Это невозможно.

Передо мной, с едва уловимым, кривым подобием улыбки, стоит Тимур.

Глава 14

Я не могу поверить своим глазам. Моргаю, а потом еще раз, и снова, и снова, и снова. Мне кажется, что соринка вызвала у меня галлюцинации. Иначе как могло такое случиться, что Тимур стоит напротив меня, хотя должен был быть в Китае? На всякий случай даже протираю глаза. Но это не помогает избавиться от видения, стоящего напротив меня. Он не растворяется в воздухе. Он настоящий. Плоть и кровь. И этот знакомый, до боли родной и одновременно чужой запах — дорогого парфюма с нотками древесины и чего-то неуловимого, — доказывает, что передо мной находится действительно мой бывший муж.

— Ты?.. — произношу измененным, хриплым шепотом. Мой собственный голос доносится до меня словно со дна глубокого колодца.

Тимур долго молчит, кажется, вечность, хотя на деле, скорее всего, проходит пара секунд. Его темные, бездонные глаза изучают меня, скользят по моему растерянному лицу, заплаканным глазам, по этому жалкому, скомканному платью в моих руках — символу всего моего нынешнего хаоса.

— Давно не виделись, Яна, — наконец произносит бывший муж. Слышу его голос... Господи, его голос. Низкий, бархатный, с той самой легкой хрипотцой, от которой когда-то по коже бежали мурашки. Теперь же он звучит как

скрежет металла по стеклу, раня изнутри.

Ноги подкашиваются, мир плывет перед глазами. Я инстинктивно хватаюсь сзади себя за холодный поручень лифта, лишь бы не рухнуть к ногам Тимура. Смотрю на бывшего мужа, хлопаю глазами, пытаясь прогнать наваждение.

— Что ты здесь делаешь? — выдыхаю я.

Тимур как-то невесело, криво усмехается. Уголок его губ поднимается, но в глазах нет ни капли тепла. Только холодная, отстраненная насмешка.

— Ты сама не догадываешься? — бывший муж выгибает темную, идеальную бровь. — Все-таки это свадьба моего лучшего друга. Или ты думала, я пропущу такое событие?

— Я... я думала, ты не приедешь... — бормочу я, и это звучит до смешного глупо и наивно. Конечно, он приехал. Сергей для него как брат. А я, как дура, позволила Рите себя убедить, что Тимура не будет, позволила надежде, самой жалкой и крошечной, засесть в сердце.

Брови Тимура насмешливо взлетают. Он делает едва заметный шаг вперед, и пространство лифта мгновенно сужается, наполняясь напряжением.

— Ну вот я тут… И что теперь? Уедешь? — произносит он тихо, но каждое слово врезается в сознание, как отточенное лезвие. — А если бы знала, что я буду тут, вообще не приезжала бы на свадьбу своей лучшей подруги?

Тимур всегда хорошо меня знал. Слишком хорошо. Читал как открытую книгу, видел насквозь все мои слабости и

страхи. И сейчас, спустя почти год, он все так же легко считывает мой ужас, мое желание повернуть время вспять, развернуться и бежать без оглядки.

Я теряюсь, чувствуя, как предательская дрожь поднимается по спине.

— Я… я… — начинаю я, бестолково оглядываясь по сторонам, ища взглядом спасительную кнопку «стоп», аварийную связь, любое отверстие, через которое можно сбежать из этой зеркальной ловушки.

Но выхода нет. Мы заперты в движущейся вверх коробке, и мне остается только молиться, чтобы лифт наконец доехал до шестнадцатого этажа и выпустил меня на свободу, чтобы этот кошмар закончился.

Вот только, похоже, Тимур замечает мою панику, мой животный, неконтролируемый страх. Его взгляд загорается каким-то странным, хищным огоньком. Бывший муж делает еще один шаг вперед, сокращая и без того ничтожное расстояние между нами до минимума. Кладет ладони на поручень с двух сторон от моего тела, запирая меня в клетке из своих рук. Бывший муж нависает надо мной, и его лицо оказывается так близко, что я чувствую его дыхание на своей коже. Оно обжигает.

— То есть вот так ты сейчас относишься к человеку, за которым была столько лет замужем? — его шепот полон яда и притворной обиды. — Кто я для тебя теперь? Чужой? Чудовище? Раз ты сейчас выглядишь, как испуганная мышка,

которая мечется в клетке? Неужели я в твоих глазах так низко пал, что ты видишь во мне… монстра?

Я замираю, не в силах пошевелиться, не в силах отвести взгляд от его губ. Все внутри замирает. Сердце колотится где-то в горле, сухо и громко.

— Настолько боишься меня, что могла бы пропустить свадьбу своей подруги? — продолжает он, и его голос становится еще тише, еще опаснее. — Или… — он делает паузу, и в глазах Тимура вспыхивает знакомый, до боли знакомый огонек, состоящий из смеси наглости и самоуверенности, — может, ты боишься не меня, а своих чувств ко мне, которые еще остались… и буйствуют в твоем маленьком трещащем по швам сердечке?

Тимур отпускает поручень и теплыми и уверенными пальцами касается ткани моего свитера точно над сердцем, которое сейчас готово вырваться из груди.

— Скажи, Яна, — бывший муж наклоняется еще ближе, и его губы почти касаются моего уха. — Неужели ты поняла, насколько ты маленькая, глупая девочка, но признаться себе в этом боишься? Может быть, ты жалеешь, что бросила своего мужа, которому клялась в любви, и поэтому так сильно боишься остаться со мной в замкнутом пространстве? Неужели ты поняла, кого потеряла?

Его слова вонзаются в самое сердце, в самую рану, разрывая ее снова. Я чувствую, как по щекам текут предательские слезы. Открываю рот, чтобы крикнуть «нет, ты мне не ну-

жен», чтобы возразить, чтобы выплеснуть всю боль и ненависть, которые копил этот год.

Но не успеваю издать ни звука.

Ведь в этот самый момент лифт с оглушительным, металлическим скрежетом дергается и резко останавливается. Свет над дверьми гаснет, а потом замигает тревожным аварийным желтым. Гул мотора стихает, и нас поглощает оглушительная, давящая тишина.

Мы застряли.

Глава 15

— Что?.. Как?.. Этого не может быть… — слова срываются с моих губ бессвязным, прерывистым шепотом. Не может быть, чтобы этот день стал еще хуже. Не может быть, чтобы я застряла. В лифте. С Тимуром.

Желтый аварийный свет мигает раз-другой и загорается ровным, тусклым, зловещим свечением, отбрасывая на стены лифта длинные, прыгающие тени. Гул двигателя сменяется оглушительной, давящей тишиной, в которой слышен каждый предательский вздох, каждый стук моего сердца — он отдается в ушах глухими, частыми ударами, как барабанная дробь перед казнью.

И тут до меня доходит…

Лифт… Маленькая, зеркальная коробка… Потолок, который вот-вот обрушится… Стены, которые медленно, неумолимо сдвигаются, чтобы раздавить меня…

Воздух становится густым, тягучим. Его не хватает. Я делаю резкий, короткий вдох, но он обрывается, не доходя до легких. Еще один. И еще. Ничего не доходит до легких. Грудь сжимается стальным обручем, горло перехватывает спазмом. Темные пятна пляшут перед глазами.

Нет. Нет. Нет. Только не это. Не сейчас. Не с ним.

Тимур тоже не остается безучастным. Он резко отрывает от меня взгляд, окидывает кабину быстрым, оценивающ-

щим взглядом, словно не понимая сначала, что произошло. Но уже через секунду его лицо становится сосредоточенным, собранным. Он не паникует. Он действует. Бывший муж резким, точным движением нажимает на красную кнопку с изображением телефона. Раздается один протяжный гудок, потом другой.

— Алло? — произносит он низко и властно, режет тишину. В голосе бывшего мужа нет ни капли той паники, которая разрывает меня изнутри.

В ответ что-то трещит и шипит в динамике.

— Да, мы в лифте. Между этажами. Застряли, — Тимур говорит четко, по-деловому. — Номер лифта? — он оглядывается, находит маленькую табличку. — Да, вижу. Корпус «Б», лифт номер четыре. — Пауза. Я слышу, как из динамика доносится голос диспетчера, но не различаю слов. Только низкий гул. — Сколько ждать? — голос Тимура становится жестче. — Понятно. Да, мы подождем. Постарайтесь побыстрее.

Бывший муж отпускает кнопку, и тишина снова обволакивает нас, еще более гнетущая после короткого общения с внешним миром.

А мне уже не просто страшно. Мне физически невыносимо.

Ноги подкашиваются, я почти оседаю на пол, но в последний момент хватаюсь за поручень.

Воздух. Мне нужен воздух. Но он не поступает.

Открываю рот, ловя им пустоту, как рыба, выброшенная на берег. В груди колет, больно, страшно. Слезы сами катятся по щекам, и это слезы животного ужаса. Мир сужается до размеров этой проклятой коробки, стены которой дышат, шевелятся, приближаются.

— Яна.

Я едва слышу Тимура сквозь нарастающий звон в ушах.

— Яна, посмотри на меня.

Он пальцами касается моего подбородка, заставляя меня поднять голову. Его лицо расплывается в мутном пятне.

— Дыши. Глубоко. Сейчас же дыши, ты меня слышишь? — произносит он жестко, приказным тоном. — Вдох. Выдох. Давай, повтори за мной.

Я пытаюсь. Я правда пытаюсь. Делаю судорожный, рвущий горло вдох. Он срывается на полпути. Выдох превращается в сдавленный стон.

— Не получается… — хриплю. — Тимур, мне страшно… Я не могу… Вытащите меня отсюда…

— Успокойся. Сейчас придет механик и освободит нас. Все будет хорошо, — Тимур говорит все размеренно, аккуратно, словно хочет донести до меня простую истину, но его слова кажутся такими пустыми, такими бесполезными в этой ловушке. Его пальцы сжимают мои плечи, он пытается встряхнуть меня, вернуть к реальности. — Соберись, черт возьми! Это просто лифт!

Но это не «просто лифт». Это мой персональный ад. Ад,

в который меня загнал Тимур. Снова. Его присутствие лишь усугубляет все. Я отшатываюсь от прикосновений бывшего мужа, прижимаюсь спиной к холодной стене, снова пытаюсь дышать и снова терплю неудачу. Пятна перед глазами растут, сливаются в одно черное полотно. Теряю опору, начинаю сползать по стене на пол.

Тимур замирает. Я чувствую его тяжелый взгляд на себе, даже сквозь накатывающую волну паники. Он смотрит на меня долго-долго, будто оценивая ситуацию, будто понимая, что все его слова, все приказы бесполезны. И сквозь шум крови в ушах я слышу, как он тихо, почти сдавленно бормочет себе под нос:

— Ну ты и сама напросилась…

Прежде чем я успеваю понять смысл его слов, осознать их, Тимур делает резкий шаг вперед. Его руки грубо охватывают мое лицо, пальцы впиваются в кожу у висков. Он наклоняется, и его губы с силой, без всякой нежности, почти с яростью прижимаются к моим.

Глава 16

Мир взрывается.

Тимур не просто меня целует в попытке утешить. Нет. Он нападает на меня, захватывает. В губах бывшего мужа, атакующих мои, чувствуется агрессия и отчаяние одновременно. Его губы жесткие, требовательные, они не просят, они берут. Они заставляют. Заста

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.